

А
Я. П. Полонский

Повести и рассказы

Я. П. Полонский. Лирика. Проза
М., Правда, 1984
[OCR Бычков М.Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Делибаштала
Квартира в татарском квартале
Тифлиссские сакли
Статуя Весны
Груня
Дом в деревне
Медный лоб
Комментарии

Делибаштала

Грузинская сказка

(Из путевых записок 1847 г.)

Ночевал я в одном грузинском селении. Остановились мы в сакле у сельского священника. В саклю провел меня дьячок, потому что сам хозяин был в отлучке. Жилье это показалось мне роскошным по сравнению с теми, в которых приходилось мне ночевать почти все лето. Между столбиками, подпирающими передовой навес, были плетеные стенки, обмазанные белой глиной; дверь запиралась на крючок, и два небольших квадратных окошечка, без рам и стекол, освещали комнату, в которой, к довершению моего благополучия, стояла кровать и помещался столик. Со мной ехал некто Моисей Соломонович, родом грузин, состоящий на службе при участковом заседателе. В этот вечер был я одолжен ему многими интересными рассказами о поиске разбойников,-- вечер прошел незаметно. Часу в десятом услужливый дьячок принес мне закуску; ужин состоял из грузинской лепешки, грузинского сыру, бутылки кислого вина и пережаренного сухого цыпленка. Моисей Соломонович вместе с моим переводчиком из татар, есаулом, дьячком и деревенским старостой (нацвалом) предпочли ужинать в соседней сакле, расположившись вокруг огня, на котором готовился общий ужин наш.

После ужина я лег спать, проснулся далеко за полночь и удивился: свеча моя горела, дверь на двор была отворена, а мои спутники, которые должны были спать около моей комнаты в темной каморе, еще не возвращались. "Где они?" -- подумал я, накинул бурку, вышел на двор, или на улицу, что все равно, потому что в здешних деревнях нет собственно ни дворов, ни улиц, есть только промежутки между саклями да земляные кровли с отлогими со всех сторон скатами, по которым легко можно разъезжать верхом на лошади.

После утомительно-жаркого дня ночь была свежа и, несмотря на то, что месячный серп светил на небе так темна, что в десяти шагах трудно было отличить кучу хвороста от задремавшего буйвола. По сторонам в сумраке лесистых гор, мелькали костры пастухов, тихий ветер дул со стороны Мухранской долины и доносил отдаленный лай собак, стерегущих виноградники.

Долго бы простоял я, прислушиваясь к звукам и шорохам ночи, если б не смех и не тихий говор в соседней сакле: это напомнило мне, что я вышел не с тем, чтоб зябнуть, а чтобы узнать, куда девались мои провожатые. Мне, сказать по правде, в эту минуту не было в них ровно никакой необходимости; но дверь в соседнюю саклю была полуотворена, и я заглянул туда.

И вот, я вижу, на циновках сидит порядочная кучка народу и, при свете потухающего пламени, курит трубки. Какой-то усач в шапке что-то рассказывает, остальные молчат и слушают. Знай я по-грузински, я, конечно, вместе с ними приютился бы у огонька, но мои спутники кое-как говорили по-русски, и я спросил их:

А